

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И БИОГРАФИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

(анализ зарубежных концепций)

МЕЩЕРКИНА Елена Юрьевна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Выбор категорий для анализа в данной статье продиктован известной тенденцией в социологии - поиск элементов, конструирующих социальность, в структурах упорядоченной повседневности. Степень этой упорядоченности варьирует от жесткой институционализации до провозглашения эпохи индивидуализации. Но между "мрачной тюрьмой" (термин Бергера и Лукмана) и "обществом риска" (У. Бек) на самом деле много общего. Проанализируем предложенные категории на фоне обозначенных тенденций.

Предложенный в 1975 г. на конференции Американской социологической ассоциации термин "жизненный путь" (life course) заместил получивший распространение ранее термин "жизненный цикл". Цель - размежевание с представлением о жизни как движении по кругу, возвращении к исходному. Иногда понятие жизненного пути связывают с понятием истории жизни или биографии: "история жизни" подразумевает жизненный путь, получивший форму истории, то есть реконструированной последовательности значимых событий и рассказанной в качестве таковой.

Важный аспект теоретических представлений об отношении личности и окружающей среды обнаруживается в том, что индивиды не просто испытывают внешние влияния (в смысле недифференцированного освоения), но интерпретируют и перерабатывают их. Здесь смыкают свои позиции феноменологи, интеракционисты и когнитивные психологи: личности развиваются и изменяются во взаимодействии с задачами, определением и решением проблем и рефлексивным взаимодействием с их материальным и социальным окружением. Д. Гелен (1981) предложил в связи с этим различать три модуса интеракции субъекта и среды: усвоение объективно данного, избирательное движение субъекта сквозь социально структурированное поле и, наконец, изменение реальности поступками. С ним можно согласиться в том, что "в интеракции субъекта и реальности задействованы все три модуса, но в различной степени и различным способом... Субъект относится к реальности, частично активно ее преобразуя, частично находясь в избирательном поиске, частично лишь пассивно принимая эту реальность" [6, S. 553]. Значение избирательности в цикле жизни особенно явно: взрослым в большей степени, чем детям, доступен выбор условий жизни и тем самым выбор контекста социализации (при выборе брачных партнеров, рабочих мест, проживания, заполнения досуга и т.д.). Но ту же избирательность нужно понимать как встроенную в определенные социальные структуры, где есть не только простор для действий, но и такие феномены как принуждения к действиям и цена свободы.

То обстоятельство, что членение жизненного пути значительно варьирует в межкультурном сравнении и в историческом процессе, является исходным пунктом социологической концептуализации жизненного пути. В результате значительной институционализации жизненного пути, осуществляемой в интересах социального контроля, в современных обществах произошел ряд структурных изменений [7, 8]. Рассмотрим их.

- Развитие Модерна - этот процесс "хронологизации" жизни. Сильно возросло значение жизненного пути/цикла как социального института. От одной формы жизненного пути, в которой возраст имел лишь категориальный статус, общество пришло к другой форме, в центре которой - структурный принцип протекания времени жизни. Другими словами: вместо преимущественно статично/ситуативно (через стабильную принадлежность) упорядоченной формы жизни возникла преимущественно биографически (через программу протекания времени жизни) упорядоченная форма жизненного пути.

- Хронологизация жизни в большей степени ориентирована на хронологический (календарный) возраст как основной критерий; социальный возраст в значительной степени совпадает с хронологическим. Через эту хронологизацию он приводится к стандартизированному "течению нормальной жизни". Здесь аккумулируются два эмпирических процесса: один из них заключается в возвращении к вариативности возраста, то есть более четкому профилированию отдельных возрастов как моментов членения жизненного пути, другой связан с ростом значения "нормального" (относительно профессии и семьи) течения жизни в отличие от других (отклоняющихся) течений.

- Хронологизация - это еще и часть обширного процесса высвобождения индивидов из локальных связей до-модерных форм жизни, часть новой программы обобществления, которая приложима к индивидам как социальным единицам (процесс индивидуализирования).

- Трансформация режима жизненного пути произошла в процессе перехода от экономики домашнего хозяйства к экономике на основе свободного труда. В итоге жизненный путь организован вокруг системы занятости, что касается как ее внешнего образа - очевидное временное членение на фазы подготовки, собственно занятости и выхода на пенсию (детство/юность, "активная" жизнь взрослого, старость), так и лежащего в ее основе организационного принципа. Иначе говоря: жизненный путь как институт является частью структуры общества труда.

- Система, регулирующая время жизни, существует на двух различных социальных уровнях: а) упорядоченной системы отдельных последовательных позиций ("карьеры"), которые индивиды занимают или оставляют со временем, б) их биографической схемы ориентации. Соответственно жизненный путь как социальный институт означает, с одной стороны, регулирование жизни секвенциональным (последовательным) ее течением, с другой, - это структурирование горизонта жизненного мира, на который ориентируются и в рамках которого планируют свои действия индивиды.

Но если теоретический вопрос о каузальном взаимоотношении между возрастными типизациями и социальным разделением труда остается открытым, то в рамках более узкой концепции жизненного пути возможно проанализировать структурные противоречия, специфичные для тех или иных фаз/возрастов жизни. Например, противоречие между обещанием карьерного роста благодаря индивидуальным успехам и реальным ограничением профессионального роста, заданным жесткой статусной иерархией, вряд ли является проблемой для молодого служащего в начале профессиональной карьеры. Только тогда, когда - чаще в среднем возрасте - ему становится ясно, что его ожидания более не реализуемы, это противоречие для него обостряется. Противоречие актуализируется в процессе профессионального развития. И тому несколько оснований: они лежат не только во внешних образцах карьер (представление о временном конце профессиональной мобильности), но и в бюджете времени жизненного пути, своего рода "экономике времени", в осознании того, что утекло достаточно времени, чтобы осуществленные инвестиции в профессию могли дать свои плоды и что рассматриваемое время начинает истекать.

Подобное обострение структурных противоречий в жизненном пути ведет к потенциальным разрывам (тех же профессиональных карьер), которые осознаются как проблема утраты образцов ориентации и выхода из кризиса. Разрывы или изломы карьер тем не менее предоставляют шансы для попыток их преодоления именно вследствие того, что в эти моменты утрачивают свой, саморазумеющийся характер основные социальные образцы легитимации, поскольку они больше не могут помочь в решении проблем профессиональной жизни.

Почему вообще стабильность, непрерывность профессионального пути, без пауз, разрывов, имеет такую привлекательность? - Стабильные жизненные пути (особенно восходящие) имеют социально *интегративный* эффект: они мотивируют к достижениям и росту удовлетворенности. Стабильность социально-профессионального пути личности функциональна для социальной структуры и в ином смысле: она создает предсказуемость действий и вынуждает систему к незатратным приспособлениям к новым состояниям. Т.е. структурно-функционалистский подход, представленный, например, Рили, Джонсон и Фонер [10], исходит из стабильности как идеального состояния системы. Но как раз стабильность и является теоретическим артефактом, и в задачи социализации входит приспособление к социальному изменению. Поэтому функционалисты пришли к дилемме: де-социализация или выход из какой-либо роли тем затратнее и результат ее/его тем неяснее, чем лучше личность была первоначально в этой роли социализирована.

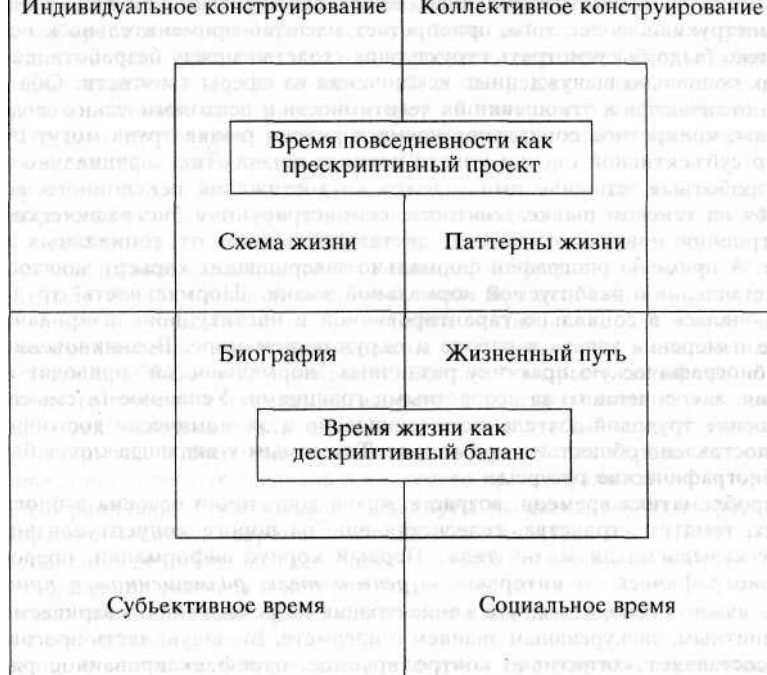
На смену ограниченной ролевой модели пришла концепция социализации как "социального строительства" личности. При этом жизненный путь рассматривается не как последовательность привязанных к определенным возрастам ролей, а как цепочка фаз жизни, которые вместе с опытом приобретают в процессе социализации различное значение. Сложность моделирования этого процесса заключается в том, что значение отдельных фаз жизни определяется при учете всех остальных. Об этом упоминал еще Маннгейм, говоря об особом "наслоении пережитого" каждым поколением [9], то есть о сознании как результате последовательных, хронологически приобретенных опытов. При этом он исходит из известного приоритета раннего детства, первые впечатления которого занимают особое место по отношению к позднейшим и имеют тенденцию запечатлеваться в качестве естественной картины мира, на которую ориентируются позднейшие опыты, как позитивные, так и негативные.

Если понимать социализацию более широко (и эта точка зрения достаточно распространена), протяженностью в жизнь, то эмпирически достаточно сложно измерить эффекты изменения личности во взрослом состоянии. Частный пример тому в сфере политической социализации - в обнаружении наряду с известными когортными также возрастных эффектов [5]. Во всяком случае одного признания важности детских впечатлений недостаточно для понимания жизненного пути в целом. Социализация может, по мнению М. Коли, идти по модели кумуляции, когда диспозиции, заложенные в ранних фазах жизни, усиливаются во взрослости, по модели компенсации, когда депривационные эффекты, пережитые в детстве, внезапно сказываются во взрослости, а может свестись к процессам взаимной акцентуации, то есть социализации и селекции [7, S. 19]. С социологической точки зрения важно эти различия сопоставить с внешним по отношению к личности источником изменений - социально-историческими условиями, приводящими к специфической истории отдельных когорт.

С помощью концепции когорт рассматривается, как известно, взаимоотношение исторического развития и жизненного пути. При этом макроистория сводится к последовательности формаций: доиндустриальное общество, постиндустриальное общество, общество позднего капитализма, общество постсоциализма и т.д., - и ориентировано в той или иной степени на эволюционную модель. Но будет справедливо сказать, что обобщенные высказывания тем надежнее, чем более они основываются на знании краткосрочных изменений. Исходя из этой перспективы, социология жизненного пути оправдана тогда, когда ей удается получить знание о долгосрочных изменениях через краткосрочные и концептуализировать краткосрочные изменения как часть долгосрочного тренда. Связь исторического анализа, социальной дифференциации и практики социализации обнаруживается в следах важных исторических событий в биографиях соответствующих поколенческих групп/когорт.

Но очевидно, что наряду с историческим развитием изменялась и социальная возрастная структура. И здесь вырисовываются две противоположные линии объяснения. Одна из них тяготеет к универсализму: значение аскриптивных классификационных критериев как возраст (и пол) падает в процессе "модернизации", причем тем больше, чем яснее становится, что способность к достижению мало связана с возрастом, как мыслилось традиционно. Другая линия объяснения связывает растущую социальную дифференциацию с возросшей дифференциацией по возрасту. Так, известен тезис Ариеса, утверждавшего, что процесс европейской индустриализации шел рука об руку с дифференциацией и привел к сильному различию между возрастными фазами/группами, а также к их институционально подкрепленной сегрегации [1]. Сегрегация здесь означает, что из "активного" (в смысле занятости) общества вычлениются возрастные маргинальные группы - дети и молодежь, с одной стороны, и старшее поколение, с другой, - и капсулируются в собственных институциональных сферах. Соответственно из этого вытекает ранг социальной значимости в иерархии возрастов.

По мнению одного из ведущих специалистов в социологии поколений и жизненного пути М. Коли, все же социальное значение возраста жизни и ее хронологии не только не уменьшилось, но и возросло [8, S. 311]. Развитие Модерна повлекло за собой в том числе и стандартизацию жизненного пути, его конвергенцию к так называемому "нормальному течению", подчиненному по отношению к критерию хронологического возраста. Этот процесс имел пиком 1960-е годы, затем застabilизировался в течение последующих двух десятилетий и частично пошел вспять, будируя дискуссии об известной деинституционализации. Тем не менее основной тренд сохранившейся стандартизации необходимо понимать с известными ограничениями. Ее влияние простирается только на основное (в грубом приближении) членение жизненного пути, в рамках которого разворачивается вся полнота различных образцов жизненных путей. Но как приближенно-грубая структура важнейших жизненных событий и образцов ориентации она является действенной программой обобществления. Каналы этого обобществления - семья, рынок труда, социальная политика и страхование, культурные образцы толкования времени и т.д. Было бы поспешно рассматривать жизненный путь как игровую площадку для упомянутых социальных

институтов. Жизненный путь вырабатывает собственную программу обобществления на основе временных бюджетов отдельных фаз/возрастов жизни, сводя это в единую структуру, во многом противоречивую, поскольку объединяются две противоположные линии - стандартизация жизненного пути и его принципиальная открытость.

На наш взгляд, если принять во внимание проблематику семейного цикла и полоспецифическую модель занятости, то очевидны тенденции деинституционализации жизненного пути. Снижение нормативной связности семейного цикла, демографические показатели малодетности, внебрачной рождаемости, разводимости, процесс сдвига образования семьи у молодых когорт на более поздние возраста (явление второго демографического перехода, фиксируемого во многих европейских странах, в том числе и в России) указывают на дестандартизацию. А значимые статистически явления отказа от рождения детей или выбор альтернативных форм сожительства или сознательное одиночество свидетельствуют о структурном сдвиге в сторону индивидуального выбора конфигурации жизненного пути и плюрализации жизненных образцов.

Описанные эффекты дестандартизации жизненного пути и известной эрозии безусловно должны были оставить последствия для формальной структуры жизненного пути. И биографические исследования действительно показали значительные изменения в последовательности (секвенцировании), timing (временной привязке) и темпе внутри-биографических переходов. Что осталось неизменным, это трехчленное деление жизненного пути на фазы подготовки, занятости и выхода на пенсию. Но значительно интегрировались в понятие нормальной трудовой биографии варианты трудовых карьер с частичной занятостью, вторичной, мультязантностью или прерывистой (особенно примеры "перфорированных" материнством профессиональных карьер женщин). Намного дифференцированное стали и внутри-биографические переходы.

Неудивительно, что методическим ответом на возникновение этой проблематики жизненного пути стало развитие биографических исследований и биографического метода, в рамках которых делается попытка встать на точку зрения действующего субъекта и воссоздать тот мир, в котором он живет и который когнитивно конструирует. Этот мир имеет пространственные и временные характеристики, которые входят в биографическую реальность через описание топологии обжитого пространства и нагруженного смыслом времени. Тем самым социология биографии теоретически дает возможность объединить или предоставить методическое поле для исследований социологии пространства/телесности и социологии времени.

Центральная социальная функция биографий заключается в производстве или концептуализации непрерывности жизненного пути, что возможно при особой модальности биографического опыта. Приобретая тот или иной жизненный опыт, действующий субъект расширяет свое предшествующее знание и повышает свою готовность впоследствии ориентироваться в сложных или неожиданных ситуациях.

На рисунке (с. 65) отражено различное позиционирование биографии и жизненного пути как описательного баланса времени жизни, а также схем и паттернов жизни как задумываемого проекта повседневного времени. И хотя теоретическая схема проводит четкую грани-

пу между субъективным временем биографии и социальным временем, структурирующим жизненный путь, тем не менее темпоральный аспект биографии делает эту границу лабильной.

Наслоение жизненных практик в биографии объективирует приобретающие социальное значение индивидуальные жизненные образцы (удачных-неудачных карьер, успешных-неуспешных браков, миграции, стратегий выживания и т.д.), "отдавая" их в пространство наследуемого социального опыта и изменяющегося социального времени. Это процесс превращения субъективного в интрасубъективное и далее в объективированное, процесс выкристаллизовывания социальности. В понятии опыта заложен двойной временной горизонт прошлого и будущего. Опыт создает такие типизации, которые одновременно закрепляют и "разбавляют" для применения в будущем прошлые фиксации событий. В двойном горизонте прошлого и будущего прошлое изменчиво, оно подвергается ре-интерпретации в той мере, в какой это требует актуальная Я-концепция. Будущее приобретает конкретные черты в той степени, в какой оно наполняет горизонт ожиданий. Тем самым реинтерпретация прошлого и конкретное наполнение будущего являются различными аспектами биографической перспективы. Важно отметить, что ее конструирование - заслуга не только индивида, а производное от совокупной деятельности многих индивидов, получившее объективированную форму социальных биографических схем. Чтобы организовать свою биографию, индивид рутиннообразно вовлекается в хронологию течения нормальной жизни. Примечательна при этом временная асимметрия. В воспоминаниях реконструкция собственного прошлого увязывает хронологию жизненного пути с хронологией общества. Это естественно для индивида: он постоянно "переводит" протекание времени своей жизни на социально-историческое времяисчисление. Обе хронологии соединяются воедино. В пору больших исторических событий, войн, потрясений, экономических депрессий историческая хронология фактически заменяет индивидуальное членение жизненного пути. Пример из интервью.

"В каком году родилась Ваша дочь?"

"Это было два года спустя после отмены продовольственных карточек, стало быть в 1949 году".

Но в предвосхищении будущего историческая хронология не играет никакой роли, будущее еще закрыто для социального опыта. Историческая хронология может быть привлечена для организации биографии только в том случае, если наполнена определенным опытом. Действия индивида, ориентированные на открытое будущее, опираются на типичную структуру опыта, заложенную в программе обобществления. В русле тенденций дестандартизации эта программа подвергается определенной эрозии, когда возрастные нормы могут утрачивать как характер "объективных масштабов", так и временных маркеров для субъективных биографических путей.

Например, при переходе к статусу пенсионера возрастная граница вследствие жестких норм, зафиксированных институционально, имеет важное значение для индивидуальной жизненной конструкции, более того, приобретает масштаб применительно к целой жизни. Вероятно, можно было бы усмотреть структурное сходство между безработицей и выходом на пенсию как социально вынужденные исключения из сферы занятости. Оба "выхода из труда" сильно отличаются в отношении их легитимности и психологических следствий, но, с другой стороны, конкретное социальное время и реалии рынка труда могут существенно менять вектор субъективной оценки нового периода жизни. Так, официально зарегистрированные безработные, ставшие ими задолго до достижения пенсионного возраста, но нашедшие себя на теневом рынке занятости, демонстрируют в биографических рассказах процесс построения новой позитивной, дистанцированной от социальных институтов идентичности. А примеры биографий формально завершивших карьеру занятости отражают крах представления о реализуемой нормальной жизни. "Нормальность" трудовой жизни для них заключалась в социально гарантированной и институционализированной пенсии как масштабе измерения успеха в работе и окружающем мире. Возникновение и легитимация через биографическую практику различных "нормальностей" приводят к релятивизации значения, закрепленного за возрастными границами. Успешное (в смысле нормальности) завершение трудовой деятельности (социально и экономически достойной пенсией) может быть поставлено обществом под вопрос. Тем самым у индивида могут быть отняты, обесценены биографические ресурсы.

Если же проблематика времени, возраста жизни достаточно освоена в биографических исследованиях, тема пространства, телесности еще на пороге концептуализации. Нарративна ли, рассказываема ли жизнь тела? Первый корпус информации, предоставляемой средствами биографического интервью, - речь о теле, размещенном в пространстве. Прежде всего нужно оговориться, что концентрация на речевом/проговариваемом не уравнена с эксплицитным, дискурсивным знанием о предмете. Большую часть проговариваемого в интервью составляет когнитивно контролируемое, отрефлексированное рассказчиком (-цей) отражение предметного содержания. Но мы проговариваем больше, чем осознаем или полагаем. В большей степени в этом "повинна" форма коммуникации рассказа, которая способствует ослаблению рефлексивных стратегий контроля в пользу погружения в поток автобиографического воспоминания и повторного переживания, что подключает эмоциональное и телесное воспоминание и представление.

Предложенная Ф. Шютце концепция "когнитивных фигур автобиографического спонтанного/импровизированного рассказывания" [11] основывается на расширенном (за счет эмоциональных и сенсомоторных измерений) понятии когнитивного. Теоретически оно включает их благодаря ориентации концепции на категории социального действия и переживания. В русле логики Ф. Шютце можно предположить, что речь о теле в нарративном интервью идет в различных форматах коммуникации и выходит далеко за рамки интенционально управляемых интересов изображения (событий) и их толкования рассказчиком. В процессе рассказа "ядром" истории или событийной фигурой, которая находится в центре внимания рассказчика и, соответственно, слушателя, косвенно всегда обозначается какой-то фон или пространство, которое содержат указания на рамки или сцену действия, на телесно-пространственное оформление и телесно-аффективные компоненты действия участвующих субъектов. Они не являются бессознательными, так как могут быть в любой момент вынесены в качестве когнитивной фигуры на авансцену. И все же, пока они остаются в "тени" и лишь условно подлежат рефлексивному управлению, знаки телесности и эмоциональности сообщают больше, чем сам рассказчик (-ца) в момент рассказа держит в фокусе внимания. В таком особом роде нарративного вовлечения прошлого в настоящее (его осовременивание) лежит методический ключ к реконструкции эмоциональных и телесных аспектов биографического действия и переживания.

Другой корпус информации благодаря нарративному интервью касается речи "с и через тело". В интеракции face-to-face в процессе интервью сказанное оборачивается не только материальным продуктом - текстом, транскрипцией диктофонной записи, но и содержит элементы социального действия (речь со всеми ее паралингвистическими, невербальными и социо-коммуникативными аспектами). Говорящее тело или телесный язык отражают в ситуации интервью и определенные социо-структурные аспекты, встроенные в порядок (иногда и иерархию) интеракции в качестве сопутствующего до-рефлексивного элемента, как, например, правила биполярной конструкции полов, хабитус или вкус. Относительно последнего П. Бурдьё отмечал: "Вкус, или ставшая прирожденной культура класса, т.е

культура инкорпорированная, способствует формированию телесных характеристик класса. Этот инкорпорированный принцип классификации управляет всеми формами инкорпорирования, выбирает и модифицирует все, что тело любит, не любит и физиологически или психологически ассимилирует. Отсюда вытекает, что тело следует безоговорочно признать материализацией классового вкуса" [3, p. 190]. Как видим, анализ форм репрезентации тела в социальном пространстве может обогатить стратификационные теории в социологии. Что касается "следов" телесности в нарративном тексте, их заметность зависит от выбранного формата коммуникации.

В реконструкцию ретроспективной смысловой картины входят как интенциональные интересы изображения событий, так и усвоенные и больше не рефлекслируемые способы отображения (хабитус) рассказчика. Исходя из этого, стратегия оценки, которая бы ограничивалась содержанием сказанного (что говорит интервьюируемый о теле и телесных проявлениях), была бы по меньшей мере неполной. Все особенности речи в актуальной ситуации интервью и совокупный образ истории жизни, который влечет селекцию и ограничение биографического материала, должны быть вовлечены в анализ, насколько это позволяет полнота заполненного транскрипта. Вопрос "как рассказывается" тогда будет в меньшей степени соотносим с телесными аспектами рассказывания в ситуации интервью (жест, мимика, смех, движения тела и т.д.), которые в любом случае рудиментарно содержатся в транскрипте. В большей степени этот вопрос будет адресован тому, как происходит *тематизация* телесных аспектов в контексте процессуальной структуры интервью. Вероятно, они ограничены, стилизованно выдвинуты на авансцену или сформированы по правилам профессионального, например, медицинского дискурса и т.д. Если мы исходим из того, что социальное действие всегда сопровождается телесным компонентом в ретроспективном изображении рассказа и истории жизни, так что тело всегда соучаствует, то это соучастие должно принципиально обнаруживаться и в нарративном интервью, эксплицитно не связанном с темой тела.

В заключение отметим, что через разные формы биографий современные общества решают важные проблемы социальной интеграции, которые растут по мере увеличения социальной дифференциации. Как следствие осуществляемого социального контроля, индивиды и социальные институты попадают под мощный пресс воспроизводства биографических структур. Собственно социальное биографическое исследование и направлено на то, чтобы изучить и реконструировать биографические ориентации и формы упорядочения биографий в повседневной коммуникации и институциональной сфере. Биографизирование как работа по построению жизненного пути возможно в первую очередь благодаря повседневной коммуникации, в разговорах/интеракциях друг с другом по поводу жизненных практик. Поэтому биографические образцы являются не индивидуальным, а социальным достижением или изобретением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Aries P.* Geschichte der Kindheit. Muenchen: Hanser, 1975.
2. *Berger P.L., Luckmann T.* Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Frankfurt: Fischer, 1969.
3. *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge & Kegan Paul, 1984.
4. *Dausien B.* Geschlechtskonstruktionen und Koerpergeschichten. Ueberlegungen zur Rekonstruktion leiblicher Aspekte des "doing gender" in biographischen Erzählungen/Biographie und Leib / *P. Alheit u.a.* Giessen: Psychosozial Verlag, 1999. S. 177-200.
5. *Foner A.* Age in Society: Structure and change // American Behavioral Scientist, 1975. № 19. P. 144-165.
6. *Geulen D.* Zur Konzeptualisierung sozialisationstheoretischer Entwicklungsmodelle / Lebenswelt und soziale Probleme. (Hrsg. *Matthes*). Frankfurt / M.: Campus, 1981. S. 537-556.
7. *Kohli M.* Die Institutionalisierung des Lebenslaufs // Koelner Zeitschrift fuer Soziologie u. Sozialpsychologie, 1985. № 37. S. 1-29.
8. *Kohli M.* Lebenslauftheoretische Ansaetze in der Sozialisationsforschung // Neues Handbuch der Sozialisationsforschung. Hrsg. *K. Hurrelmann, D. Ulich*. Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 1991. S. 303-317.
9. *Mannheim K.* The Problem of Generations / Essays on the sociology of knowledge. Ed. *P. Kecskemeti*. London: Routledge and Kegan Paul, 1952. P. 276-322.
10. *Riley M.W., Johnson M., Foner A.* Aging and Society, vol. 3: A sociology of age stratification. New York: Russel Sage, 1972.
11. *Schuetze F.* Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzaehlens / *Kohli M. Robert G.* (Hgs): Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitrage und Forschungsperspektiven. Stuttgart, 1984. S. 78-117.